

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ**

**Мякинченко
Дмитрий
Александрович** аспирант кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: dmitry-rnd@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические подходы к механизмам применения политического насилия как инструмента регулирования общественных процессов. Политическое насилие имеет разновекторную направленность легитимного насилия политической власти и протестного насилия масс.

Ключевые слова: *власть, влияние, политическое насилие, политическая власть.*

Феномен политического насилия в своем генезисе прошел определенный путь от видового понятия насилия как использования физической силы по отношению к личности через классовое содержание до понимания его как общественного отношения по поводу власти. В. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» в 1881 году дал такое определение: «Насилие – принуждение, неволя, нужда, силование; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [1, с. 468]. Словарь С.И. Ожегова (1985 г.) трактует насилие так: «...1) применение физической силы к кому-нибудь; 2) принудительное воздействие на кого – что-нибудь; 3) притеснение, беззаконие» [2, с. 334]. Революционные теоретики XIX–XX веков (О. Бланки, М. Бакунин, К. Маркс, В. Ленин) подчеркивали политический характер насилия как важнейшего средства завоевания и удержания власти. Классовый, идеологический характер социального насилия во многом определяет и характеристики насилия в трудах ученых советского периода. Коммунисты одобряли придание классовой трактовки насилия в общественных отношениях по поводу власти. Например, советский ученый Г.Н. Киреев считает, что насилие – это «весьма общая категория, обозначающая любое подавление объективных интересов и действий классового противника» [3, с. 101]. В 70–80-е годы XX века в отечественной науке появляются понятия политической власти и политического насилия, последнее рассматривается как применение или угроза применения «различных форм, методов и средств прямого или косвенного принуждения и подавления (политических, экономических, военных и т.д.) в отношении других групп, классов, государств, общественных систем с целью обеспечения, захвата и удержания политической власти и экономического господства, приобретения и сохранения независимости и суверенитета, различного рода прав и привилегий, удовлетворения территориальных и других претензий, ограничения интересов противоположной стороны, навязывания кому-либо своей воли» [4, с. 6].

«Политическое насилие, – пишет И.М. Липатов, – есть идеологически обусловленная и материально обеспеченная деятельность классов, наций, социальных групп и реализующих их цели социальных институтов, направленная на применение средств принуждения, с целью завоевания, удержания, использования государственной власти, достижения политического господства на международной арене, управления социальными процессами в классовых интересах» [5, с. 10]. Таким образом, даже в перестроечные годы политическое насилие рассматривается по-прежнему с классовых позиций, т.к. ленинская формулировка определяла насилие как неперемный атрибут государства, отражающий его сущность, средство управления другими через аппарат принуждения, аппарат насилия – вооруженные отряды войск, тюрьмы и другие средства подчинения чужой воле [6, с. 437].

Терминологическая эволюция категории политического насилия в 90-е годы выразилась в его расширительном и более нейтральном толковании как ограничения воли субъекта социальными силами, стремящимися к политической власти или ее осуществляющими, утверждающими при этом определенный социально-политический идеал (избегая слово «идеология») [7, с. 13]. Политическая энциклопедия (1999 г.) содержит такое определение: «Насилие в политике – насильственное, принудительное воздействие на субъект политических отношений, использование государственной и иных видов власти в принудительных целях» [8, с. 15].

Политическая наука в XX веке понятийно связала политическое насилие и государственную власть, попытавшись ответить на вопросы: какова же сущность политического насилия, выделяющая его из общего поля явления насилия; является ли власть единственным источником политического насилия или же модус действия политического насилия определяет понятие «политика» и т.п.

Так каковы же маркеры, по которым относят политическое насилие к политическому виду в отличие от прочих? Думается, что уже в прилагательном заложена сфера его действия – политика. Традиционно считается, что политика связана с государственным управлением, столкновением интересов разных социальных групп по поводу власти, господства и подчинения, влияния на принятие политических решений. Но политика как понятие и явление гораздо шире поля властных отношений. За рамками поля власти остаются события общественной жизни – такие, как общественные движения, протестные явления, вызванные трудовыми или экономическими противоречиями и пр. Кроме того, широко распространены такие выражения, как «внутренняя политика банка, дирекции и пр.», отражающие политику внесударственных структур.

Существует следующее современное определение политики: «... (1) политика связана с процессом государственного управления и функционированием государственных (публичных) институтов; (2) она включает в себя все основные общественные проблемы, события и отношения, которые оказывают существенное воздействие на жизнь социальной общности в целом и влияют на интересы больших групп людей» [9, с. 339]. Как видим, политикой называются процессы, касающиеся широких сфер общественной жизни, но главными субъектами и объектами политики являются государство и государственная власть.

Логика исследования приводит к вопросу: чем отличаются понятия «государственная власть» и «политическая власть», широко применяемые в общественном и научном дискурсе? И то, и другое понятие являются лишь видами общего понятия «власть», обладающими особенными критериями, отличающими их от остальных видов, таких, например, как власть одного человека над другим (власть хозяина над слугами, рабовладельца над рабами, власть отца в семье и пр.).

Отечественный ученый В.Г. Ледяев разводит понятия власти и политической власти, утверждая, что политическая власть охватывает все виды властных отношений в области политики. И именно понятие политического определяет вид политической власти, а не наоборот, как утверждают некоторые авторы, что власть – это синоним политики [9, с. 338].

Другие авторы (В.А. Пилипенко и А.Л. Стризое) строят свои выводы о природе политической власти на основе вектора властной мотивации. Они считают, что существует политическая власть и неполитическая власть. Вторая – это власть в профессиональном коллективе, семье и других социальных группах. Политическая власть направлена вовне (экстравертна), она мотивирована на преодоление сопротивления внешней среды – народа, оппозиции, внешних контрагентов. Неполитическая же направлена вовнутрь сферы своего действия, мотивирована на самоорганизацию объекта своего действия, т.е. интравертна [10, с. 31].

Необходимо отметить еще один важный критерий политической власти – она носит публичный характер.

Несмотря на то, что общепризнанным утверждением является то, что государство является главным и единственным носителем политической власти [11, с. 82], и в научной

литературе, и средствах массовой информации до сих пор происходит смешение категорий «государственной» и «политической власти». Некоторые аналитики настаивают, что политической властью как волевым средством воплощения своих целей обладают и другие субъекты – социальные группы, политические партии, в том числе оппозиционные, политические лидеры, классы, движения, организации [12, с. 40; 13, с. 99].

Нам представляется не совсем верным последнее утверждение о политической власти, которой обладают другие субъекты политики. Здесь происходит смешение понятий «власть» и «влияние». Политическая власть, безусловно, – это государственная власть: государство проводит свою властную политику в разных сферах общественной жизни – это экономическая государственная политика, социальная, образовательная, культурная и так далее по всему спектру своих функций. Другие же субъекты политики могут обладать или не обладать влиянием на государственную власть и ее политику, но властью они не обладают. Целью оппозиционной деятельности является в первую очередь борьба за государственную, а значит, и политическую власть. Важным аргументом в пользу политического характера именно государственной власти является то, что механизм государственной власти основан на праве санкций, праве легитимного насилия. Ни один субъект политики таким правом не обладает. «Средства, используемые государственной властью для воздействия на подвластных индивидов, определены, как правило, правовым полем и публичны. Действия государственной власти основаны на государственном принуждении – прямом применении или угрозе применения силы (насилия), санкционированном законом и носящем легитимный (т.е. с согласия населения) характер. Влияние же расположено в более тонком эмоциональном поле, его воздействие объясняется такими морально-этическими категориями, как авторитет, уважение, внушение, традиции, убеждение, наличие финансовых и военных ресурсов» [14, с. 129]. Власть использует механизм принуждения (или же его угрозу) в случае неподчинения подвластных, влияние же обладает только возможностью изменить поведение объекта, без обязательности санкций в случае ненаступления изменения.

Политические процессы в современной России позволяют говорить о расширении поля влияния других акторов на принятие решений политической властью: государственные решения принимаются с учетом возможной негативной реакции населения, с учетом мнения гражданского общества, предотвращения протестного насилия или саботажа.

Противопоставление понятий «государственная власть» и «политическая власть» не имеет под собой оснований: центральным элементом политической системы общества является государство, значит, именно государство обладает политической властью.

Одним из механизмов осуществления политической власти является легитимное насилие. Эффективность власти определяется ее асимметрией: вектор ее воздействия на объект по своей силе не совпадает с обратным вектором сопротивления объекта направленному на него давлению. Именно на преобладании вектора воли субъекта власти над вектором волей объекта и построен механизм любой власти.

Здесь уместно заметить некоторую терминологическую нечеткость по поводу механизмов осуществления политической воли субъекта. Разные авторы применяют разную терминологию: кто говорит о методах [15], кто – о ресурсах [16], третьи говорят о средствах [17], четвертые – об источниках подчинения объекта субъекту [9]; все зависит от точки зрения автора, на которую каждый из них имеет право. Все исследователи подчеркивают многоликость и многозначность феномена политической власти, что и приводит к множественности механизмов ее осуществления.

Сущность власти заключается в системе отношений господства и подчинения. Задача любой власти – обеспечить выполнение ее приказов, воли, решений с помощью авторитета, ресурсов силы, угрозы применения санкций и прямого насилия. Механизмы реализации воли власти можно разделить по разным основаниям, в том числе по добровольности или принудительности подчинения объекта субъекту власти. Добровольное подчинение проис-

ходит через убеждение, стимулирование объекта, воздействие авторитета властвующего на сознание подвластного. Второй вид подчинения основан на принуждении, психологическом и физическом насилии.

Современный мир внес свои краски в палитру политического насилия власти. Появился такой признак информационной эпохи, как манипулирование сознанием масс. Поэтому дихотомия «добровольность» – «принудительность» перестает быть однозначной. Ярким примером является предвыборная агитация или навязчивая реклама: через средства массовой информации вас убедили голосовать за данного кандидата или купить определенный товар, сделать свой выбор из нескольких вариантов – так является ли ваш выбор добровольным или это результат информационного насилия?

«Уходят эпохи, меняются применяемые людьми друг к другу методы насилия. В эту череду постоянно совершенствуемых приемов управления себе подобными наш век к хорошему себя зарекомендовавшим Кнуту и Прянику добавил Убеждение. Убеждение пробовали и раньше. Иногда это удавалось. Но не хватало информационного конвейера, а значит, не хватало массовости», – пишет С. Расторгуев [18, с. 422].

Мировая и отечественная наука разработала разные подходы к объяснению феномена насилия, основными из которых можно выделить следующие: биологический, психологический, экологический, инструментальный, структурно-функциональный. Первые три направления рассматривали природу насилия, преимущественно исходя из природных и психологических особенностей индивидов; ученые, работавшие над инструментальной (другие названия – материалистической, социальной) теорией и структурно-функциональной (системной, идеологической), рассматривали коллективный вид насилия, к которому относится политическое насилие. Рассмотрим политическое насилие с позиций двух последних теорий.

Особенности инструментальных теорий заключаются в том, что они рассматривают политическое насилие как инструмент государственного управления обществом, постоянно сотрясаемым конфликтами, дестабилизирующими его основы существования. В политической науке такой подход связывают с именами Томаса Гоббса и Макса Вебера. Известно выражение Т. Гоббса, что жизнь любого общества – это «война всех против всех», и для того, чтобы люди могли сосуществовать, не уничтожая друг друга, требуется Левиафан – государство, концентрирующее в своих руках власть и силу принуждения. «...Вне государства – владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, дикость, невежество; в государстве – владычество разума, мир, безопасность, богатство, благопристойность, общество, изысканность, знания и благосклонность» [19, с. 364]. М. Вебер обосновал право государства на легитимное насилие. Только государство имеет право наказывать, убивать, и больше никто, и это право ему делегировало само общество. «...Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. ...единственным источником «права» на насилие считается государство» [20, с. 345]. С данным тезисом солидарна и марксистская теория насилия; так, К.Маркс считал, что государственная власть является «концентрированным и организованным общественным насилием» [21, с. 761].

Современные материалистические трактовки политического насилия основаны на объяснении взаимодействия и противостояния людей по поводу их материальных интересов. Те группы, которые находятся у власти, имеющие высший социальный статус и доступ к материальным благам, стремятся сохранить свои привилегии, используя для этого возможности, которые дает власть. Они пытаются сохранить социальные институты, обеспечивающие им власть и возможности. Группы, занимающие более низкое положение в обществе, стремятся его повысить. Если политическая система государства не дает для этого легитимных возможностей, социальные лифты не работают, то оппозиция может прийти к решению о необходимости изменения политического режима насильственным путем (Р. Даль).

Протестные потрясения, которые испытали развитые европейские страны в середине XX века, заставили исследователей задуматься о природе политического насилия, которое может охватить и экономически благополучное общество. Так появилась системная теория, которая рассматривала политическое насилие как структурный фактор в макросоциальной системе общества. Эту теорию связывают с именем Н. Смелзера, который разработал шестифакторную теорию антисистемного насилия [22]. Факторы, способствующие взрыву антигосударственных протестов, представлены следующим образом:

1) Фактор структурного способствования. Выявленный Н. Смелзером фактор характеризует связь между дифференцированностью общества и степенью терпимости властей к протестным настроениям людей. Если власть отождествляет себя с правовыми, религиозными, экономическими и политическим институтами, то любой протест, касающийся перечисленных сфер влияния государства, воспринимается как угроза и подавляется силой.

2) Фактор структурной напряженности. Чем больше поляризация общества по уровню доходов, уровню жизни, доступу к ресурсам, тем больше напряженность в обществе, его структурные элементы напряжены и плохо взаимодействуют.

3) Фактор убежденности. Его еще можно назвать идеологическим фактором: чем убедительнее идеология правящего класса (независимо от политического режима – коммунистического или демократического, а также религии), чем большая часть общества ее разделяют, тем меньше протестные риски.

4) Ускоряющий фактор. Им может стать любой катализирующий инцидент, способный вызвать взрыв протестного движения.

5) Фактор мобилизации оппозиции – ее способность мобилизоваться и эффективно действовать.

6) Фактор неэффективности социального контроля. Он отражает способность политического режима и политической системы контролировать протестные процессы. Такой контроль осуществляется двумя каналами: через кооптацию протестных движений в систему (приобщение к власти лидеров оппозиции, расширение системы коммуникаций, социальных лифтов, гибкость принятия решений и пр.), а также через силовую составляющую (подавление протестов, нейтрализацию лидеров радикальной оппозиции и др.). Баланс между этими механизмами контроля (между Кнудом и Пряником) определяет результирующий уровень политического насилия.

Взаимосвязь перечисленных факторов влияет на степень присутствия в обществе политического насилия, и как показала структурная теория, позволяет анализировать уровень протестных настроений и разрабатывать механизмы контроля и регуляции общественных отношений.

Системный (структурно-функциональный) подход разработан на основе теории Т. Парсонса, раскрывшего условия стабильности обществ на основе взаимосвязи устойчивости социальной системы, социокультурных ценностей и потребностей ее акторов [23]. Социальная напряженность в обществе, его конфликтогенный потенциал во многом зависят от соответствия социополитической системы доминирующим в обществе социокультурным ценностям, которые, в свою очередь, определяют потребности акторов. Потребности можно разделить на два вида: по степени их удовлетворения и по их ориентации. Удовлетворение потребностей личности определяется результирующей между выполнением его желания получить определенное удовольствие и желанием избежать определенных страданий. Ориентационный аспект зависит от отношений индивида с окружающим миром, его ориентации на мнение референтной для него группы.

Социальная система выполняет определенные функции: интеграционную, адаптационную, гармонизационную и другие. Выполнение этих функций во многом зависит от согласованности потребностей ее акторов и степени их удовлетворения. Чем меньше разногласий в этой области между субъектами социальных отношений, тем стабильнее, равновесней система.

Любому обществу необходимы развитие и модернизация. Если политическая элита модернизирует общественную систему быстрее, чем изменяется социокультурное состояние общества, то структурные преобразования могут проходить насильственным путем по инициативе «сверху», как это было при реформах Петра I.

Если политическая система отстает в своей динамике от социокультурного развития общества, то может возникнуть революционная ситуация с возможными последствиями разрушения самой политической системы (революция 1917 года в России).

Стабильное развитие общества обеспечивается при сбалансированном развитии и политической системы, и социокультурной среды.

Таким образом, на основе анализа существующих теорий насилия можно с уверенностью сказать, что сферой проявления политического насилия является государственная власть и политика как область интересов больших социальных групп. По этим критериям политическое насилие можно отнести к коллективному типу.

Используя наработки системной и структурной теорий насилия можно выделить два встречных вектора действия политического насилия. Первый задан легитимным действием политического насилия власти по отношению к подвластным, второй – ответным (протестным) насилием подвластных масс по отношению к власти. Стабильность социальной системы зависит от баланса между этими силами, но не исчерпывается ими, а зависит от множества факторов, описываемых в рамках и других подходов.

Литература

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. М.: Русский язык, 1978.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985.
3. *Киреев Г.Н.* Сущность насилия. М.: Прометей, 1990. – 110 с.
4. *Денисов В.В.* Проблема насилия в современной буржуазной социально-философской мысли (Критический анализ). Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1975.
5. *Липатов И.М.* Сущность и основные формы политического насилия в современных условиях (Философско-социологический анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989.
6. Ленин В.И. Соч., Т. 29.
7. *Кугай А.И.* Природа политического насилия и его роль в современном мире. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.
8. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т.2 / Нац. обществ.-науч. фонд. Рук. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999.
9. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: Рос.полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
10. *Пилипенко В.А., Стризов А.Л.* Политическая власть и общество: контуры методологии исследования // СОЦИС. 1999. № 6. – С. 25 – 34.
11. *Гаджиев К.С.* Политология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001. – 488 с.
12. *Теплов Э.П.* Политическая власть. СПб.: Образование, 1993. – 294 с.
13. *Халипов В.В.* Энциклопедия власти. М.: Академический проект; Культура, 2005. – 1056 с.
14. *Кузина С.И.* Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире. Дис. ... докт. полит. наук. Ростов н/Д, 2010.
15. *Философия политики: Властные факторы в политической системе общества / Отв. ред. Ю.И. Ирхин, В.В. Крашевин.* М.: Луч, 1993. – 367 с.
16. *Власть многолика / Отв. ред. А.И. Уваров.* М.: Российское филос. об-во, 1992. – 184 с.
17. *Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.* Насилие: социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. – 328 с.
18. *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 496 с.

19. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1991. – 624 с.
20. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные сочинения. М.: Просвещение, 1990. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php
21. Маркс К. Капитал. Т. 1 // <http://libelli.ru/works/marx2.htm>
22. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. – 688 с.
23. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001064/st000.shtml>

Myakinchenko Dmitry Aleksandrovich, graduate student of the Department of political science and ethnic policy, South Russian Institute of the Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: dmitry-rnd@yandex.ru

POLITICAL VIOLENCE AS A MECHANISM OF FUNCTIONING OF POLITICAL POWER

Abstract

The article deals with theoretical approaches to the mechanisms of the use of political violence as an instrument of regulation of social processes. Political violence has a multidirectional orientation of the legitimate violence of political power and protest the violence of the masses.

Keywords: *power, influence, political violence, political power.*

References

1. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: T. 2. М.: Russkij jazyk, 1978.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Ju. Shvedovoj. 17-e izd., stereotipn. М.: Russkij jazyk, 1985.
3. Kireev G.N. Sushhnost' nasilija. М.: Prometej, 1990. – 110 s.
4. Denisov V.V. Problema nasilija v sovremennoj burzhuaznoj social'no-filosofskoj mysli (Kriticheskij analiz). Avtoref. dis. ... dok. filos. nauk. М., 1975.
5. Lipatov I.M. Sushhnost' i osnovnye formy politicheskogo nasilija v sovremennyh us-lovijah (Filosofsko-sociologicheskij analiz). Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. М., 1989.
6. Lenin V.I. Soch., T. 29.
7. Kugaj A.I. Priroda politicheskogo nasilija i ego rol' v sovremennom mire. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. М., 1993.
8. Politicheskaja jenciklopedija. V 2 t. T.2 / Nac. obshhestv.-nauch. fond. Ruk. proekta G.Ju. Semigin. М.: Mysl', 1999.
9. Ledjaev V.G. Vlast': konceptual'nyj analiz. М.: Ros.polit. jenciklopedija (ROSSPJeN), 2001. – 384 s.
10. Pilipenko V.A., Strizoe A.L. Politicheskaja vlast' i obshhestvo: kontury metodologii issledovanija // SOCIS. 1999. № 6. – S. 25 – 34.
11. Gadzhiev K.S. Politologija: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij. М.: Logos, 2001.– 488 s.
12. Teplov Je.P. Politicheskaja vlast'. SPb.: Obrazovanie, 1993. – 294 s.
13. Halipov V.V. Jenciklopedija vlasti. М.: Akademicheskij proekt; Kul'tura, 2005. – 1056 s.
14. Kuzina S.I. Politicheskoe nasilie: priroda, manifestirovanie i dinamika v globali-zirujushhemsja mire. Dis. ... dokt. polit. nauk. Rostov n/D, 2010.
15. Filosofija politiki: Vlastnye faktory v politicheskoy sisteme obshhestva / Otv. red. Ju.I. Irhin, V.V. Krashevin. М.: Luch, 1993. – 367 s.
16. Vlast' mnogolikaja / Otv. red. A.I. Uvarov. М.: Rossijskoe filos. ob-vo, 1992. – 184 s.
17. Dmitriev A.V., Zalyzin I.Ju. Nasilie: socio-politicheskij analiz. М.: ROSSPJeN, 2000. – 328 s.
18. Rastorguev S.P. Filosofija informacionnoj vojny. М.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2003. – 496 s.
19. Gobbs T. Izbrannye proizvedenija. V 2 t. Т. 1. М.: Mysl', 1991. – 624 s.
20. Вебер М. Osnovnye sociologicheskie ponjatija. Izbrannye sochinenija. М.: Prosveshhenie, 1990. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php
21. Marks K. Kapital. Т. 1 // <http://libelli.ru/works/marx2.htm>
22. Smelzer N. Sociologija / Per. s angl. М.: Feniks, 1994. – 688 s.
23. Parsons T. Sistema sovremennyh obshhestv / Per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. Pod red. M.S. Kovaleva. М.: Aspekt Press, 1997. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001064/st000.shtml>